

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО СССР
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
члена-корреспондента АН СССР
Д. А. Ольдерогге

Вып. XXV

ГЕОГРАФИЯ. ЭТНОГРАФИЯ. ИСТОРИЯ

Издательство «Наука»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1987

1. ИСТОРИЯ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Б. А. Вальская

НАУЧНАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ В ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЕГО ЖИЗНИ (По неопубликованным материалам)

Осенью 1882 г. Н. Н. Миклухо-Маклай вернулся в Петербург после очередных путешествий на Новую Гвинею и другие острова Тихого океана, в Юго-Восточную Азию и Австралию. Вернулся он на родину не только для решения финансовых вопросов, связанных с изданием своих трудов. Он хотел получить поддержку русского правительства для реализации составленного им проекта хозяйственного и общественного развития Берега Маклая. Австралийский биограф Миклухо-Маклая Франк Гриноп подчеркивал, что этот проект — «часть размышлений Маклая на тему, близкую его сердцу, и важное отражение его собственных социальных теорий...» [43, с. 261]. Для реализации своего проекта Миклухо-Маклай хотел еще раз посетить Берег Маклая на корвете «Скобелев» (бывший «Витязь»).

В октябре 1882 г. вице-председатель Русского географического общества П. П. Семенов писал министру финансов Н. Х. Бунге, что известный русский путешественник Миклухо-Маклай посвятил 12 лет изучению «стоящих на низших ступенях человеческого развития племен в антропологическом и этнологическом отношении. Мужество и самоотвержение, обнаруженные Маклаем во время его путешествий на Новую Гвинею, где он пробыл 15 месяцев один среди антропофагов, никогда не видавших ни одного европейца, заслужили ему всемирную известность». Семенов отметил, что «путешествие свое Маклай совершил по собственной инициативе и на собственные средства с незначительной лишь помощью Географического общества... и более значительные частные средства через посредство Общества... Личность Маклая возбудила глубокое сочувствие всего русского общества, которое уже выразилось в некоторых

Н. Н. Миклухо-Маклай

пожертвованиях, могущих быть обращенными на уплату долга г. Маклая при условии удержания его коллекции в России. На этот предмет до сих пор пожертвовано 500 руб[лей], но нет сомнений, что сумма пожертвований достигнет и еще больших размеров» [1, ф. 1, 1881, оп. 1, № 25, л. 21, 24].

Пожертвование, о котором упомянул Семенов, было сделано известной собирательницей археологических древностей А. М. Раевской в октябре 1882 г. Считая, что Географическое общество «сочувственно отнесется к мысли приобрести путем подписки научные коллекции г. Миклухо-Маклая для обогащения ими одного из русских музеев», Раевская «для начала такой подписки» передала в Общество 500 рублей с просьбой уведомить ее, угодно ли будет Обществу принять «ее скромное приношение». Приношение было принято [1, ф. 1, 1881, оп. 1, № 25, л. 19].

В 1882 г. по просьбе Географического общества министерство финансов уплатило долги путешественника и предоставило ему возможность в течение двух лет подготовить в Сиднее к печати свои труды. После получения от правительства мате-

риальной помощи в сумме 2200 ф. ст. (или более 20 тыс. руб.) Миклухо-Маклай, как писал Семенов министру финансов Бунге, был обязан «1) представить в полное распоряжение того ученого учреждения, которое ему будет указано, полный манускрипт своего путешествия с атласом и рисунками приблизительно на три тома и 2) представить все собранные им антропологические и этнографические коллекции в собственность одного из русских музеев» [1, ф. 1, 1881, оп. 1, № 25, л. 22].

28 сентября 1884 г. Миклухо-Маклай отправил из Сиднея в Петербург отчет о своей работе за последние два года, в котором сообщил, что к концу 1884 г., т. е. к указанному сроку, он не смог подготовить к печати результаты своих путешествий за 12 лет (с 1870 до 1882 г.). Николай Николаевич напомнил план издания своих трудов и написал, что им уже сделано и что он намерен был сделать в Австралии. В первой части предполагаемой публикации он собирался осветить задачи, поставленные перед каждым его путешествием или поездкой, а затем дать «подробный рассказ хода и эпизодов... странствований» и, наконец, изложить научные результаты, которые ему «удалось добыть при каждом из них». Во вторую часть публикации он хотел поместить результаты своих путешествий по специальным дисциплинам: по антропологии, этнологии, зоологии и сравнительной анатомии, метеорологии.

Миклухо-Маклай считал, что публикация удовлетворит как тех, кто интересуется «ходом путешествия и общими результатами его», так и тех, для кого «научные исследования представляют главный интерес путешествия». В этом же отчете (от 28 сентября 1884 г.) Географическому обществу Николай Николаевич написал, что он сделал после возвращения в Сидней в июне 1883 г., когда закончилось его плавание на корвете «Скобелев». Кроме «общего приведения в порядок дневников и заметок» он занимался разработкой своих новогвинейских зоологических коллекций и исследованиями «по сравнительной анатомии мозга человеческих рас».

В заключение своего письма Географическому обществу Николай Николаевич писал: «Никто более, чем я сам, не желает привести к заключению полный отчет моих двенадцатилетних странствований. Но чтобы отчет этот мог быть назван полным и добросовестным — на то потребуется время. Это и есть главная причина, затягивающая мое возвращение в Европу, помимо разных неудобств, окружающей обстановки...» [18, с. 422—425].

Были еще и другие обстоятельства, помешавшие Миклухо-Маклаю своевременно представить отчет о своих путешествиях: в начале 80-х годов XIX в. обстановка на Тихом океане резко обострилась [6; 7].

Опасаясь усиления влияния России на Тихом океане, австралийская колония Квинсленд объявила об оккупации всей восточной части Новой Гвинеи. В тот же самый день (4 апреля

1883 г.), когда Миклухо-Маклай сошел с корвета «Скобелев» на землю Филиппин, в Лондоне на заседании палаты общин началось обсуждение полученной из Квинсленда телеграммы, извещавшей о том, что губернатор этой английской колонии в Австралии, «желая предотвратить занятие Новой Гвинеи какой-нибудь другой державой, распорядился занять ее от имени британской королевы впредь до тех пор, когда английское правительство постановит решение по поводу отправляемой им сегодня ноты» [36, 06.04.1883].

В английской газете «Таймс» было опубликовано сообщение о том, что по приказанию премьер-министра английской колонии Квинсленд полицейский судья Честер (с острова Четверга, расположенного в Торресовом проливе) объявил всю восточную половину Новой Гвинеи, не принадлежавшую Голландии, владением Великобритании.

Газета «Таймс» писала, что «полицейские судьи весьма хорошие и способные чиновники, но кажется, что это еще первый пример, чтобы один из них призван был присоединить страну, которая больше Франции» [36, 13.04.1883]. Это сообщение из Лондона вскоре было перепечатано в петербургской газете «Русский инвалид».

Действия премьер-министра Квинсленда по захвату Восточной Новой Гвинеи были одобрены специально созванной конференцией в Сиднее, в которой приняли участие все премьер-министры британских колоний в Австралии. 4 декабря 1883 г. «Русский инвалид» сообщал, что «сущность принятых решений» состоит в том, что «конференция протестует на будущее время против всяких присоединений какую бы то ни было иноземною державой в южной и экваториальной частях Тихого океана. Далее, она высказывает желание, чтобы в состав Британской империи были включены части Новой Гвинеи и соседних островов, на которые не будет предъявлено притязаний со стороны Голландии» [36, 04.12.1883].

2 декабря 1883 г. Миклухо-Маклай писал Александру III из Сиднея: «Острова, которые конференция просит занять безотлагательно, следующие: юго-восточная половина (не принадлежащая Нидерландам) острова Новой Гвинеи (включая берег Маклая), острова Луизиады, Новую Британию, Новую Ирландию, острова Адмиралтейства, острова *Соломоновы*¹, *Санта-Круц*, *Новые Гебриды* (если Франция не отстоит для себя последнюю группу) и множество других островов, *все*: от Новой Гвинеи на западе до острова *Фиджи* на восток, от экватора до Нов[ой] Зеландии на юг. Одним словом, Англия намеревается занять *все* более крупные острова Тихого океана, обладающие благословенным климатом, роскошною тропическою растительностью и отменно плодородною почвою.

Пока единственно Франция заявила свои претензии на неко-

¹ Здесь, как и в других письмах и статьях Миклухо-Маклая, курсив его.

торые острова *помимо* тех, которыми она владела до сих пор, т. е. кроме *Новой Каледонии* с островом Лоялти, *Таити* и островов Маркизских Франция присваивает себе группы островов *Тубуай* и *Туамоту*.

Занятие некоторых, пока еще официально не названных островов правительством Сандвичевых островов находится, весьма вероятно, в связи с планами Американских Соединенных Штатов» [41, ф. 410, 1882, оп. 2, № 4155, л. 67].

Вместо подготовки к печати своих сочинений Миклухо-Маклай должен был писать письма «сильным мира», чтобы спасти папуасов Берега Маклая от порабощения [4].

Узнав из газет, что английское правительство «сделало распоряжение, чтобы британский протекторат был бы провозглашен только относительного *Южного берега* Новой Гвинеи», Миклухо-Маклай 15 октября 1884 г. обратился к великому князю Алексею Александровичу с просьбой поддержать его предложение о признании Россией самостоятельности Берега Маклая и туземного управления этого Берега. 29 октября с этим же вопросом Николай Николаевич обратился к министру иностранных дел России Н. К. Гирсу. Путешественник писал: ввиду того что Англия «объявит на днях протекторат всего *южного берега* Новой Гвинеи», а весь северный берег от голландской границы остается пока независимым, он просил сообщить, будет ли угодно Александру III «даровать Берегу Маклая в Новой Гвинее русский протекторат или, если такой шаг покажется неуместным, *признать независимость Берега Маклая*, чем Берег этот будет огражден от попыток других держав овладеть им...». Миклухо-Маклай сообщил Гирсу, что он (Миклухо-Маклай) обратился к статс-секретарю британских колоний лорду Дерби с просьбой признать самостоятельность Берега Маклая. Миклухо-Маклай просил Гирса учесть, что его ответ определит дальнейшую переписку с лордом Дерби «по поводу Берега Маклая».

Срочный вызов германского генерального консула из Сиднея в Берлин в начале октября 1884 г. не был случайным. В это время к Берегу Маклая направлялось германское судно «Самоа». В середине октября на Берегу Маклая, в бухте Порт-Константин, высадилась экспедиция германской Новогвинейской компании под начальством доктора Отто Финша. Ничего не подозревавшие папуасы приняли Финша как «брата Маклая» и помогли ему водрузить в бухте Порт-Константин германский флаг. Уже в ноябре того же года Новогвинейская торговая компания закрепилась на Берегу Маклая. При содействии немецкого военного судна «Елизавета» был поднят германский флаг в бухте Порт-Алексей (ныне Маданг, центр округа Маданг Папуа Новой Гвинеи) [48, с. 315].

Управляющий морским министерством А. И. Шестаков считал, что притязания Германии на северо-восточную часть Новой Гвинеи и «быстрые территориальные захваты подобного

рода... представляются достаточным мотивом для соответствующих инструкций не только представителям нашим в Лондоне, Берлине и Париже, но и командиру судна, которое пошлется к берегу Маклая с целью наблюдательной».

2 ноября 1884 г. А. И. Шестаков писал Н. К. Гирсу, что, по его (Шестакова) мнению, «нельзя предвидеть никакой пользы для нас от водружения русского флага в отдаленных местах, которых мы не будем в состоянии удержать за собою» [41, ф. 283, 1884, оп. 3, № 4, л. 15].

Директор департамента внешних сношений министерства иностранных дел Ф. Р. Остен-Сакен в записке, представленной Александру III 4 декабря 1884 г., писал, что «русское правительство не имеет никаких видов, ни политических, ни иного рода, в пределах Тихоокеанского бассейна, и поэтому какие-либо отдельные меры, предпринятые и вызванные единственно почином нашего смелого путешественника, были бы едва ли своевременны и могли бы повести только к лишним затратам и усложнениям» [41, ф. 410, 1882, оп. 2, № 4155, л. 71].

Небезосновательно опасаясь, что Миклухо-Маклай, став во главе папуасов Берега Маклая, будет проводить независимую политику в интересах коренных жителей Океании, Шестаков в письме к Гирсу 16 декабря 1884 г. писал, что «не следует ставить наши действия в какое-либо соотношение к личностям, хотя бы известным, которые... утратили чувство меры или реальности в представлениях о русской жизни». Из этих соображений Шестаков, неоднократно выражавший личное недружелюбие к путешественнику, считал, что, «не прерывая сношений с г. Миклухо-Маклаем, ввиду возможной пользы от знакомства его с краем, не телеграфировать ему (что-либо определенное, не извещать его заранее о посылке судна) о наших намерениях» [41, ф. 410, 1882, оп. 2, № 4155, л. 73]. Предложение Шестакова, принятое Гирсом, поставило Миклухо-Маклая в очень тяжелое положение.

2 января 1885 г. Николай Николаевич получил ответ Шестакова на два своих письма, отправленных великому князю Алексею Александровичу (от 9 и 15 октября 1884 г.). Ответ Шестакова был получен уже после того, как германский посол в Петербурге Ганс-Лотар Швейниц 15 декабря 1884 г. известил русское правительство о занятии Германией северо-восточного берега Новой Гвинеи и архипелага Новая Британия.

29 января 1885 г. Миклухо-Маклай писал Шестакову из Сиднея: «...когда, недели три тому назад, известие [об] аннексии Германией северного берега Новой Гвинеи подтвердилось телеграммами из Берлина, считая такой шаг Германии положительною несправедливостью или недоразумением, я счел (помня обещание, данное мною туземцам Берега Маклая) моим долгом заявить формальный протест и заявить его немедленно. 9-го числа этого месяца я послал телеграмму в Берлин князю Бисмарку следующего содержания: туземцы Берега Маклая

отвергают германскую аннексию» [41, ф. 410, 1882, оп. 2, № 4155, л. 98]. В то же утро Миклухо-Маклай отправил письмо Александру III, повторив свою просьбу о признании «самостоятельности Берега Маклая», а Гирсу он сообщил о своих переговорах с генерал-майором Питером Скретчли, который после провозглашения британского протектората над юго-восточной частью Новой Гвинеи в ноябре 1884 г. был назначен специальным комиссаром по делам этого протектората.

В январе 1885 г. Миклухо-Маклай получил от него *«формальное»* заверение, что правительство британское не только *не будет иметь ничего против* признания Россией независимости Берега Маклая» под его (Миклухо-Маклая) управлением, «но что таким признанием оно останется *совершенно довольным* и, следуя примеру России, признает самостоятельность этого Берега» [3, с. 564]. Николай Николаевич предложил Скретчли «написать в министерство колоний в Лондоне, чтобы подобное же заявление было сделано русскому послу в Лондоне». Однако английский посол в Петербурге Стааль сообщил Шестакову, что он «не получил от английского правительства никакого сообщения по возбужденному Миклухой вопросу». Но об этом сообщении Стааля Миклухо-Маклай не знал и продолжал надеяться, что его предложение будет поддержано не только Скретчли, но и лордом Дерби, которого в январе 1885 г. Николай Николаевич просил «не признавать немецкого захвата Берега Маклая до тех пор», пока он (Миклухо-Маклай) «не получит ответа из Петербурга и пока великобританское правительство само не обсудит протеста против несправедливого захвата Берега Маклая Германией» [13, 20.03 (01.04). 1885].

20 января 1885 г. Миклухо-Маклай вновь просил русское правительство взять под защиту население Берега Маклая и признать его независимость, чтобы «осчастливить несколько десятков тысяч людей и дать им возможность подняться постепенно на более высокую ступень цивилизации». На этом письме сохранилась резолюция Александра III: «Его просьба скромная, и, мне кажется, следует поддержать ее» [3, с. 565].

Через пять дней Николай Николаевич отправил Гирсу свое письмо в редакцию мельбурнской газеты «Аргус» [45, 07.01. (19.01). 1885], опубликованное 7 января 1885 г. и перепечатанное затем во многих австралийских газетах, а также вырезку из одной сиднейской газеты по поводу своей телеграммы Бисмарку. «Я полагаю и надеюсь, — писал Миклухо-Маклай, — что князь Бисмарк, когда узнает, что Россия и Англия намереваются признать независимость моего Берега, и познакомится со всеми к этому вопросу относящимися подробностями... не станет поддерживать притязания Германии на Берег Маклая и *не доведет* туземцев до открытого сопротивления для защиты своей независимости, прав и собственности, которые в настоящее время несколько *не* гарантированы против беззаконий разного рода германских трэдоров никакими постановлениями со

стороны германского правительства» [3, с. 566]. Миклухо-Маклай повторил свою просьбу к русскому правительству признать самостоятельность Берега Маклая под его управлением и «международным контролем».

В феврале 1885 г., обсуждая с Гирсом письма путешественника, адресованные русскому правительству, Шестаков отрицательно отнесся и к предложению Николая Николаевича о взятии Берега Маклая под протекторат нескольких европейских держав. Добиваясь европейского протектората над Берегом Маклая, Николай Николаевич рассчитывал, что совместные усилия нескольких европейских государств смогут оградить еще не колонизованные папуасские территории от их растаскивания отдельными державами Европы. Управляющий морским министерством предлагал оказать Миклухо-Маклаю «покровительство, хотя бы платоническое только», которое, как считал Шестаков, не могло послужить России «во вред». «Обязательное посещение нашими судами владений Маклая, — писал Шестаков, — привлечет, может быть, внимание наших промышленников и послужит нам к приобретению прав гражданства в тех водах». По этим соображениям Шестаков предлагал принять Берег Маклая под покровительство России, «не делая, конечно, никаких усилий склонить Европу на общий протекторат».

Все свои «соображения» Шестаков и Гирс тщательно скрывали от путешественника. Не получая известий из России, Миклухо-Маклай решил сам отправиться на Берег Маклая и ожидать там прихода русского судна, которое, он надеялся, Шестаков «разрешит послать в Порт-Константин с приказом командиру... признать самостоятельность и флаг» Берега Маклая. Но из-за отсутствия средств Николай Николаевич вынужден был отказаться от этой поездки. Шкипер парохода потребовал от него 250 ф. ст. только за то, чтобы «на несколько дней заглянуть на Берег Маклая, и только тогда, когда побывает на различных других островах» [41, ф. 410, 1882, оп. 2, № 4155, л. 101].

Поездка на Берег Маклая не состоялась и потому, что три помощника путешественника из России, которые хотели остаться на Берегу Маклая в качестве поселенцев, не смогли своевременно прибыть в Сидней.

Из письма Миклухо-Маклая от 24 марта 1885 г. видно, что на Берегу Маклая во время своего отсутствия он хотел оставить своего младшего брата Михаила Николаевича, лейтенанта А. А. Раковича, участника плаваний на «Витязе» и «Изумруде», и В. Ф. Суфшинского, товарища по гимназии. В этом же письме Николай Николаевич просил брата собирать в Петербурге все, что было напечатано в газетах по поводу статьи «Берег Маклая в Новой Гвинее», написанной самим Н. Н. Миклухо-Маклаем и опубликованной в газете «Новости и биржевая газета» [19, с. 282]. Статья была также напечатана в английских и австралийских газетах под названием «Русский взгляд на немцев в Новой Гвинее» [46, 26.05.1885].

В письме к редактору «Новостей», приложенном к статье, Миклухо-Маклай писал, что для избежания «разных превратных толков и искажений фактов иностранными газетами» он решил познакомить «читающую публику» России с «настоящим положением вопроса» о Береге Маклая, чтобы оградить себя и свой «будущий образ действий от нареканий и встретить в России сочувствие всех тех, для которых идея справедливости и человеколюбия не пустые слова».

В статье «Берег Маклая в Новой Гвинее», опубликованной в январе 1885 г., Миклухо-Маклай писал: «Когда недели три назад известие о захвате Германией северного берега Новой Гвинии подтвердилось телеграммами из Берлина, я счел своею обязанностью напомнить, что перед всеми другими государствами Россия имеет преимущественное право на часть северного берега этого острова, которая с 1871 г. носит название *Берега Маклая*... Я сильно сомневаюсь, чтобы доктор Финш... не зная ни одного из многих диалектов Берега Маклая, мог приобрести от туземцев участок земли, который послужил основанием германской аннексии северного берега Новой Гвинии...» Далее он писал, что русский флаг развевался здесь с 1871 г., т. е. 13 годами ранее, чем германский; матросы русского судна построили там дом для русского подданного, который прожил в нем в разное время около четырех лет; занимаясь исследованием этого региона в научном отношении, он привез и распространил там много полезных растений, домашних животных, приобрел полное доверие туземцев и согласился по их просьбе быть их представителем при контактах с державами мира [13, 20.03 (01.04). 1885].

Главной причиной обращений Миклухо-Маклая к правительствам великих держав было желание оградить папуасов от ряда «зол, сопряженных со вторжением белых», так как он считал их вторжение «большим несчастьем для темнокожих». Зная, что «опасность этого рода» в то время была «недалека», Миклухо-Маклай как «доверенный представитель туземцев этой части Новой Гвинии счел своим долгом вовремя отстранить» ее.

Миклухо-Маклай предлагал великим державам взять Берег Маклая под «*международный протекторат*», но при сохранении туземного управления. «Этот международный протекторат, — считал он, — должен быть основан на международном соглашении». Миклухо-Маклай разработал главные принципы международного соглашения, которое должно предусматривать: «1) строжайшее уважение всех прав туземцев как людей, как действительных членов рода человеческого; 2) противодействие и запрещение людокрадства и невольничества во всех формах и видах».

Просьба Миклухо-Маклая «о признании самостоятельности туземного управления» была основана на его уверенности, что «уже наступило время (или оно недалеко), когда цивилизованные государства будут обращаться с туземцами в разных час-

тях света... *как с людьми*, не забывая принципов международного права, а не как с дикими животными, которых, смотря по обстоятельствам, можно укрощать и обращать в рабство или просто истреблять как опасных зверей...». Миклухо-Маклай считал, что если бы туземцы Берега Маклая имели средства помимо него «протестовать против несправедливости и насилий», то он «не стал бы посылать телеграммы и писать письма, а спокойно занимался бы своею научною работою». Оккупация Берега Маклая Германией заставила Миклухо-Маклая не «забывать своего обещания, данного людям», которые ему доверились и были «убеждены, что „*балан-Маклай-худи*“ (слово Маклая одно)».

В заключение Миклухо-Маклай писал: «Я убежден, что мой образ действий, настоящий и будущий, встретит полную симпатию... людей, которые не сочувствуют распространению насилия, людокрадства и рабства на островах Тихого океана. Я надеюсь также, что мои друзья в России не откажут мне в своем сочувствии и пожелают мне успеха в деле справедливости и чело-веколюбия против политики захвата и насилия» [13, 20.03 (01.04). 1885].

Как же отнеслись великие державы к предложению русского путешественника о защите прав папуасов Берега Маклая и других народов Океании? 4 апреля 1885 г. из министерства колоний, расположенного в Лондоне, на Даунинг-стрит, Миклухо-Маклаю было отправлено письмо за подписью Д. Брамстона, чиновника этого министерства, который по распоряжению лорда Дерби писал: «Мне приказано сообщить Вам о письме... направленном Вам в ответ на Ваши сообщения относительно предлагаемого Вами признания автономии Берега Маклая в Новой Гвинее. Копия Вашего письма была передана в министерство иностранных дел» [12, ф. 143, оп. 1, № 42, л. 20]. 25 апреля 1885 г. министр иностранных дел Великобритании лорд Гренвиль направил германскому послу в Лондоне графу Мюнстеру письмо, в котором он сообщал, что он (Гренвиль) еще 16 марта 1885 г. предлагал установить точные границы между британскими и германскими владениями в Новой Гвинее. Северо-восточная часть острова, площадью 67 тыс. кв. миль (в том числе и Берег Маклая), должна была стать германским протекторатом, а юго-восточная часть, площадью 63 тыс. кв. миль, отходила к Великобритании. Через четыре дня, 29 апреля 1885 г., граф Мюнстер выразил полное согласие с вариантом раздела Восточной Новой Гвинеи, предложенным Великобританией [42].

В августе 1885 г. Миклухо-Маклай через генерал-майора Питера Скретчли получил от лорда Дерби сообщение о том, что отныне обо всем, касающемся Берега Маклая, он (Миклухо-Маклай) должен обращаться к германскому правительству, которому через германского посла в Лондоне была передана вся переписка [3, с. 570].

После получения из Лондона указанной переписки германское правительство запросило русское министерство иностранных дел о личности Миклухо-Маклая; вместе с этим оно сообщило, что затрудняется удовлетворить желание русского правительства ввиду того, что желание это было заявлено будто бы уже после выдачи грамоты (24 мая 1885 г.) германской Новогвинейской компании, предоставляющей ей права на Берег Маклая. Этим ответом германское правительство пыталось прикрыть дипломатической ложью свой незаконный захват территории Берега Маклая, открытого и исследованного русским путешественником.

В ответ на запрос германского правительства российское министерство иностранных дел сообщило, что русский путешественник Н. Н. Миклухо-Маклай «задался благородной целью осчастливить несколько десятков тысяч людей, устроить такое положение вещей, при котором бы жизнь, свобода и права туземцев были уважаемы, вместе с тем дать им возможность подняться постепенно на более высокую ступень цивилизации. Миклухо-Маклай во время своей долголетней деятельности в этих странах, происходившей открытым образом, преследовал постоянно интересы общечеловеческие, а не частные...» [3, с. 563].

В период переговоров между Великобританией и Германией о разделе восточной части Новой Гвинеи военные власти Нового Южного Уэльса в Австралии обратились к министру колоний Великобритании с просьбой вернуть принадлежавший им участок земли, расположенный в Уотсонс-Бее, недалеко от Сиднея, на котором находилась основанная Миклухо-Маклаем одна из первых в мире и первая в Австралии морская биологическая станция. Военные писали министру, что «для гарнизона требовались дополнительные казармы, а командиру нужен был котедж».

Австралийский биограф Миклухо-Маклая Франк Гриноп, впервые опубликовавший переписку о ликвидации биологической станции, подчеркивал, что это «обращение нанесло смертельный удар кратковременно осуществившейся мечте Маклая» [43, с. 234].

Летом 1885 г. требование военных властей стало достоянием русской и зарубежной прессы. Петербургский корреспондент газеты «Сидней Морнинг Геральд» 28 августа 1885 г. писал, что научная деятельность Маклая «прервана возникшими на политическом горизонте тучами»: земля, отданная Миклухо-Маклаю под биологическую станцию, понадобилась для «стратегических целей». «Учитывая гостеприимство, которое всегда оказывали г. Маклаю в Сиднее, внезапное изменение отношения к нему правительства [колонии Новый Южный Уэльс], — писал корреспондент, — кажется по меньшей мере странным». Ожидая подтверждения этого факта из Сиднея, корреспондент сообщил, что «результаты многолетних исследований неутоми-

мого труда г. Маклая ожидаются в Петербурге с нетерпением». В газете было высказано сомнение по поводу возвращения Миклухо-Маклая в Россию для завершения его исследований будто бы из-за нанесенной ему на родине обиды [49, 28.08. 1885].

Через несколько дней в этой же газете было опубликовано письмо Миклухо-Маклая редактору «Сидней Морнинг Геральд» [47, 01.09. 1885]. Касаясь утверждения корреспондента о том, что он (Миклухо-Маклай) якобы был «глубоко задет и обижен полным безразличием», с которым еще раз была встречена в России его просьба о решении будущего папуасов Берега Маклая, Николай Николаевич высказал предположение, что корреспондент имел в виду его письмо русскому правительству по поводу Берега Маклая. Миклухо-Маклай заявил, что у него нет «никаких причин быть задетым поведением... русского правительства и его переговорами от моего имени (по поводу Берега Маклая) с германским правительством. Напротив, я вполне удовлетворен его действиями». Это опровержение русского путешественника Франк Гриноп комментировал следующим образом: «В русской крови заложена неистребимая любовь ко всему русскому. Маклай выступил в защиту своей страны и ее действий» [43, с. 236]. Следует учесть, что Миклухо-Маклай должен был быть осторожен в своих публичных заявлениях по поводу действий русского правительства.

Что касается биологической станции в Уотсонс-Бее, то Миклухо-Маклай уточнил дату начала ее строительства. «В 1879 г., а не в 1870, — писал он, — участок земли перед Кемп Коув был отведен мне правительством Нового Южного Уэльса для сооружения биологической станции и передан шести доверенным лицам (одним из которых был я)». Весной 1886 г. станция в Уотсонс-Бее была закрыта. Ее ликвидация глубоко опечалила Миклухо-Маклая. «...Не очень приятно все время, — отмечал Миклухо-Маклай, — ожидать, что мне придется покинуть биологическую станцию (которая в течение двух лет была для меня совершенно бесценным местом спокойного труда)» [43, с. 236]. Вскоре Миклухо-Маклай на пароходе «Меркара» выехал на родину. В письме к вице-председателю Географического общества П. П. Семенову от 25 марта 1886 г., написанном в Индийском океане, между Цейлоном и Аденом, Миклухо-Маклай сообщал, что он возвращается в Петербург с целью издания результатов своих путешествий. Он просил Географическое общество оказать ему содействие в получении помещения в Академии наук для разбора коллекций перед «передачей их в музей Академии наук и другие музеи СП[етербурга]» [12, ф. 4, 1886, оп. 1, № 53, л. 3].

В начале апреля 1886 г. Миклухо-Маклай был уже в Порт-Саиде, где он пересел на пароход «Лазарев», на котором и прибыл в Одессу. Здесь он задержался на несколько дней для разбора коллекций, привезенных им самим из Сиднея и Батавии, и багажа из Нагасаки, который был доставлен из Японии

в Одессу братом путешественника В. Н. Миклухо-Маклаем еще в 1884 г. Багаж состоял из десяти ящиков, пяти тюков и подводы. Все это ненужное Н. Н. Миклухо-Маклаю на Новой Гвинее было доставлено в Нагасаки еще в 1871 г. на «Витязе».

Из Одессы Миклухо-Маклай выехал в Крым, в царскую резиденцию Ливадию, где 22 апреля 1886 г. встретился с Гирсом, а 23-го — с Александром III. На этот раз и Гирс и Александр III разрешили Миклухо-Маклаю поднять русский флаг на том или ином незанятом острове Тихого океана в колонии, которую он собирался основать. Во время этих встреч вопрос о Береге Маклая решен не был. Царское правительство не хотело ссориться с Германией, куда русские помещики сбывали хлеб по принципу «недоедим, но вывезем», и Миклухо-Маклай понял, что ему предстоит тяжелая и упорная борьба за Берег Маклая, захваченный германской Новогвинейской компанией [4, с. 142].

Из Крыма Николай Николаевич через Киев направился в Малин, откуда 18 мая 1886 г. отправил Гирсу письмо, в котором сообщал, что на его предложения, «сделанные императорскому германскому правительству через министерство иностранных дел», он получил 25 сентября 1885 г. «ответ берлинского кабинета, что он затрудняется согласиться» на предложение русского путешественника «ввиду того, что заявление это последовало после выдачи грамоты германской Новогвинейской компании». Миклухо-Маклай привел неопровержимые факты, доказывающие преимущественные права России на Берег Маклая, и выразил решительный протест против создания германской комиссии для проверки этих фактов. «Зная из многолетнего опыта всю трудность изучения туземных языков, — писал Николай Николаевич, — зачастую невозможность передать европейские понятия на языке туземцев, а также многочисленность диалектов в Новой Гвинее, я не могу придавать серьезного значения будущим результатам назначенного германским правительством исследования на месте моих прав» [3, с. 573]. Миклухо-Маклай надеялся, что с помощью русского правительства ему удастся отстоять интересы папуасов Берега Маклая, а Гирсу во время предстоящего свидания с Бисмарком — убедить канцлера Германии в правоте требований русского путешественника, суть которых сводилась к отказу Германии от претензий на Берег Маклая. 10 июня Миклухо-Маклай уже был в Петербурге. Приезд Миклухо-Маклая в Петербург вызвал большой интерес прессы к его жизни и деятельности. Путешественник стал «модным человеком». Почти ежедневно в столичных газетах и реже в провинциальных печатались статьи и заметки о его трудах, путешествиях, коллекциях и проектах. Были статьи, проникнутые глубоким уважением и симпатиями, были и откровенно враждебные.

24 июня 1886 г. «Петербургский листок» писал: «Не говоря уже о бесспорном научном значении трудов г. Миклухо-Маклая,

нельзя отказать знаменитому путешественнику в большой энергии и предприимчивости. У нас еще слишком немного людей, высоко державших знамя русской науки в чужих краях, для того чтобы мы могли как-то бравировать или же сами относиться к ним только шутливо. Они, во всяком случае, играют крупную роль в ознакомлении иностранцев с Россией и русскими, поддерживая престиж ученых за границами, и за это уже одно заслуживают поддержки и поощрения» [34, 24.06 (06.07). 1886].

В этом же номере «Петербургского листка» была напечатана редакционная статья под названием «Вопрос, поднятый Н. Н. Миклухо-Маклаем». Автор ее писал, что «13 лет свободно и без всяких претензий со стороны других держав развеялся русский флаг» на Берегу Маклая, и «только в прошлом году заявила свои претензии на этот... кусочек земли всегда особенно „дружественная“ нам держава — Германия». Далее в статье указывалось, что Миклухо-Маклай «протестовал против слишком бесцеремненно и бесправно предложенного, непрошеного протектората немцев». Вопрос, поднятый путешественником, по мнению газеты, не был еще окончательно решен. «Россия, — писал „Петербургский листок“, — не признала пока Берега Маклая состоящим под ее протекторатом, хотя фактическое признание этого архипелага находящимся... под покровительством России составляет, по всей вероятности, только временный вопрос» [8, 24.06 (06.07). 1886].

Газета опровергла слухи относительно того, что Миклухо-Маклай «предлагал протекторат» над Берегом Маклая Англии. В статье было написано, что Миклухо-Маклай «действительно обращался к английскому правительству с просьбой признать *независимость и самостоятельность* этого Берега, но о протекторате не заводилось и речи», что, по мнению газеты, подтверждалось приглашением Миклухо-Маклая устроить на Тихом океане русское поселение. На следующий день Миклухо-Маклай обратился в редакцию «Нового времени» с письмом, в котором сообщал, что призыв поселиться в открытой им местности на Берегу Маклая дал неожиданный результат: он уже получил письменные заявления от 160 лиц «о согласии переселиться на острова Тихого океана» [20, с. 292].

Из этого же письма стало известно, что Академия наук отказалась предоставить Миклухо-Маклаю помещение для разбора коллекций, которые он хотел передать ей в дар. Прошение Миклухо-Маклая от 25 марта 1886 г. о предоставлении помещения для разбора коллекций П. П. Семенов передал непременно секретарю Академии наук К. С. Веселовскому. Последний сообщил, что удовлетворение просьбы Миклухо-Маклая «от него вовсе не зависит», и переслал прошение в комитет правления Академии наук. 23 мая 1886 г. комитет правления постановил: «Ввиду неимения свободного помещения в здании Академии наук в удовлетворении просьбы Миклухо-Маклая

отказать». В приложенной к протоколу справке было указано, что «из числа всех помещений Академии наук на летнее время остается свободным большое конференц-зало, которое не может быть предоставлено для разборки коллекций, прочие же помещения при музеях уже все переполнены и не могут вместить значительной части коллекций, хранящихся в настоящее время в ящиках» [12, ф. 4, 1886, оп. 2, № 53, л. 4].

Помещение для разбора коллекций Миклухо-Маклай получил только после распоряжения Александра III. 10 июля 1886 г. товарищ министра просвещения М. С. Волконский писал вице-президенту Академии наук В. Я. Буняковскому, что Александр III указал ему на то, что «известный путешественник Миклухо-Маклай не находит помещения для своих коллекций и что Академии наук надлежало бы озаботиться сбережением их, дабы столь редкое собрание не было бы потеряно для науки, и отвести для того помещение, хотя бы временное». При этом Александр III выразил уверенность, что «Академия наук найдет, конечно, в своем помещении одну или две небольших комнат для этой цели». Волконский просил Буняковского «признать возможным изыскать средство к помещению вышеозначенных коллекций в зданиях Академии наук и о последующем почтить» его «уведомлением в самом непродолжительном времени» [12, ф. 2, 1886, оп. 1, № 11, л. 103].

Через четыре дня, 15 июля, Буняковский предложил комитету правления Академии наук предоставить большой конференц-зал для «временного в нем помещения коллекций, собранных Миклухо-Маклаем во время его путешествий». А до этого времени два месяца коллекции Миклухо-Маклая находились на С.-Петербургской пассажирской станции. 11 июля служба эксплуатации Николаевской железной дороги, озабоченная «столь длительным пребыванием» на станции ящиков Миклухо-Маклая, попросила Географическое общество вывезти коллекции.

Такое отношение ведущего научного учреждения страны к Миклухо-Маклаю не могло не сказаться на осуществлении его планов и проектов. Но препятствия его не останавливали. Он развивал бурную деятельность — научную и общественную. 21 июня 1886 г. на первом собрании будущих переселенцев на Берег Маклая Николай Николаевич прочел лекцию о проектируемой колонии и ответил на многочисленные вопросы присутствующих. Подробная информация была опубликована в «Петербургском листке». На лекции Миклухо-Маклай сказал, что он собирается отправиться на Берег Маклая, в бухту Порт-Константин, для того чтобы выбрать для будущей колонии один из ненаселенных островов. Он заявил, что настолько хорошо изучил папуасов в течение трехлетнего пребывания среди них, что был уверен в том, что «пришлое население не будет враждебно принято папуасами, язык и нравы» которых он знает «в достаточной мере обстоятельно».

После краткой характеристики природных условий и ресур-

сов Берега Маклая путешественник сказал, что плодородная почва «дает превосходные урожаи; так, кукуруза, которую я первый акклиматизировал, вместе с многими другими растениями дает в год 3 урожая; банан, не требующий за собой никакого ухода и имеющий более 20 разновидностей, дает плоды через 3—4 месяца после посадки черенков. Я лично, — сказал ученый далее, — развел около своего дома, без всяких хлопот, 8 сортов банана... Посевы и рассадка корнеплодных растений могут быть производимы круглый год. Рис, таро, саго, кофейное дерево могут быть возделываемы с успехом».

Что касается винограда, то Миклухо-Маклай сомневался в возможности его акклиматизации. Но он об этом не сожалел. «Первым и абсолютным условием, поставленным мною для колонистов, — заявил путешественник, — будет полное воспрещение покупки, продажи и употребления спиртных напитков всех сортов (за исключением вин, необходимых для аптеки). Путешествуя 24 года, — сказал он, — я никогда не находил надобности в алкоголе и признаю его одним из самых вредных ядов».

Большое внимание Миклухо-Маклай уделил вопросу о земле. Он подчеркнул, что «земли, необходимой для возделывания и построек, можно иметь в достаточном количестве». В частности, путешественник предлагал использовать земли, «лежащие между враждующими селениями и никем не возделываемые, из опасения обоюдных набегов и убийств. Само собой разумеется, — сказал он, — что никакие аферы по покупке и перепродаже земель у нас не могут и не должны быть допущены. В интересах колонистов жить в наилучших отношениях с туземцами и не обижать их, чтобы не обратить их во врагов».

При организации русского поселения на Тихом океане в большом и малом Миклухо-Маклай старался учитывать интересы местных жителей. Так, коснувшись вопроса об одежде папуасов, он заметил, что ношение туземцами европейской одежды считает вредным для здоровья, и потому в их интересах отклонил сделанное ему предложение об открытии на Берегу Маклая ткацкой и прядильной фабрики стоимостью 50 тыс руб., хотя он и считал, что «всякая отрасль промышленности найдет... себе сбыт на разных островах Тихого океана, где требования туземцев с каждым годом становятся многочисленнее».

Миклухо-Маклай указал на необходимость использования в качестве строительного материала коралла, добывание которого «не сопряжено ни с особенными трудностями, ни с большими расходами», а также глины, так как деревянные постройки в экваториальной зоне оказывались непригодными, их поедали термиты.

Для организации морских перевозок между Берегом Маклая и ближайшими портами, имеющими связь с Европой, Миклухо-Маклай рассчитывал получить в свое распоряжение шхуну. «Жизнь на Берегу Маклая, — сказал он в заключение, — само

собой разумеется, не может быть дорога. Всякая трудящаяся рука будет иметь не только достаточную, но и изобильную пищу. Помимо земледелия и богатой рыбной ловли одна получающая охота дает достаточное на сутки пропитание. Во всяком случае, найдется применение и свободному капиталу, и ремеслу, и простой рабочей силе, была бы лишь охота работать и вести порядочную жизнь».

В конце выступления Миклухо-Маклай остановился на организационных вопросах. Он сказал, что для поездки на Берег Маклая на первый раз ему понадобится всего 10—12 человек, с которыми он предполагает заключить соглашение о гарантированной работе. Всем же остальным желающим отправиться с ним на Берег Маклая он обещал «даровой проезд» до Новой Гвинеи и «даровое продовольствие» во время двухмесячного пути. «Я отнюдь *не беру* на себя, — сказал он, — доставление переселенцам постоянной, определенной работы, жилищ, специальной деятельности. Я *не могу* обещать переселенцам даже дарового проезда обратно в Россию. Но я озабочусь захватить с собою достаточное количество необходимых на месте проектируемой колонии припасов, жизненных продуктов и строительных материалов, причем все это будет продаваться колонистам по возможно низким ценам, во избежание разных эксплуататоров» [9, 25.06 (07.07). 1886].

Эта его лекция и другие подобные вызвали широкий общественный резонанс.

Через два дня после опубликования в «Петербургском листке» отчета корреспондента о первом собрании переселенцев Миклухо-Маклай обратился к Гирсу с просьбой испросить у Александра III разрешение основать русскую колонию на Берегу Маклая в Новой Гвинее или на одном из островов Тихого океана. После второй встречи с будущими переселенцами путешественник обратился с подобной же просьбой непосредственно к Александру III.

Летом 1886 г. в петербургских газетах развернулась острая полемика по поводу проекта Миклухо-Маклая. Его взгляды защищал профессор классической филологии В. И. Модестов, корреспондент газеты «Новости и биржевая газета». 1 июля 1886 г. Модестов поместил в этой газете статью «В добрый час», в ней он сделал попытку теоретически обосновать идею Миклухо-Маклая о создании на островах Тихого океана русской вольной колонии [30, 01 (13). 07. 1886]. Модестов советовал «осуществить в Южном полушарии идеальную республику Платона» или «испробовать суровой жизни в фаланстерах Фурье».

Против проекта Миклухо-Маклая 6 июля 1886 г. выступил корреспондент газеты «Новое время» А. Дьяков (печатался под псевдонимом Житель). Отвечая на вопрос, «из каких элементов могла бы сложиться колония г. Миклухо-Маклая», он писал, что в стомиллионном населении России всегда найдется «изрядное количество бездомных», «бедствующих и страдающих» лю-

дей, считающих себя в положении безвыходном. Каждый из этих людей, как писал Дьяков, думал, «из-за чего он бьется, если труд, служба все равно ничего не дают ему, кроме горького, отравленного унижением куска хлеба, поглощающего все его силы и способности». Дьяков был недоволен тем, что Миклухо-Маклай призывал в Новую Гвинею людей, склонных к мечтам «о новой жизни, новых началах». И Миклухо-Маклай и Модестов, заявлял Дьяков, соблазняли русских людей «легкостью жизни где-то у чертей на куличках, когда вся Россия предлагает им больше сотни Новых Гвиней, вполне вольготных пространств для культурной обработки, когда под носом у этих ученых возникают все новые и новые колонии иностранцев, в самое короткое время достигающие блистательного благосостояния» [11, 06 (18). 07. 1886].

Возмущенный статьей Дьякова, Модестов 10 июля писал, что газета «Новое время» не знала «границ своему глумлению над патриотическим стремлением знаменитого путешественника, не щадя при этом никаких выражений к оскорблению его личности» [31, 10 (22).07. 1886]. 12 июля на смену Дьякову, уволенному из газеты «Новое время» за уголовное прошлое, пришел К. А. Скальковский. Он обрушился на Миклухо-Маклая с грубой бранью и заявил, что «склонение русских подданных к эмиграции» является уголовным преступлением и власти имеют право прекратить «колонизационные попытки» Миклухо-Маклая.

Сделав ряд оскорбительных выпадов против путешественника, Скальковский подчеркнул, что Новая Гвинея «имеет очень малую внутреннюю ценность, поэтому-то она и оставалась так долго не занятою, хотя англичане, испанцы, португальцы, голландцы расхватили давно по соседству все сколько-нибудь имеющие цену островки. Теперь, — писал Скальковский, — Новую Гвинею заняли не потому, что достоинство ее повысилось, а совсем по другим соображениям. Для Голландии и Англии важно соседство. Их колонии так богаты, что было крайне опасно видеть на Новой Гвинее водворение какой-либо новой державы, тем более сильной. Они не успели, однако, устранить Германию». Скальковский считал, что для России Новая Гвинея «не может иметь никакого значения» [37, 12 (24).07. 1886]. Два дня спустя после опубликования статьи Скальковского «Новое время» с восторгом приветствовало заявление немецкой газеты «Шлезисше Цайтунг» о том, что Миклухо-Маклая и «его сподвижников (?) немцы, как иначе и быть не может, выпроводят просто за дверь...» [33, 14 (26).07. 1886].

15 июля 1886 г. в полемику по поводу проекта Миклухо-Маклая вступила московская газета «Русский курьер», корреспондент которой писал, что, несмотря на то что призыв Миклухо-Маклая переселиться в Новую Гвинею встречен был «с недоверием и даже насмешкою», — он был чрезвычайно удивлен, увидев у путешественника массу писем «от лиц разного звания

и сословия, и молодых и старых, и бедных и со средствами, желающих ехать в Новую Гвинею». Однако газета предупреждала о том, что Миклухо-Маклая может ожидать «участь мичмана Шольца-Рагозинского, как известно,— писал корреспондент,— захваченного германцами в Африке и привезенного в Германию, но, видно, г. Миклуха не струсил, хотя все невыгоды на его стороне: он статский, хилый человек, здоровье которого, видимо, подорвано» [2, 15.07. 1886].

В разгар этой полемики Миклухо-Маклай обратился к Гирсу с настоятельной просьбой устроить ему свидание с Александром III. Это свидание состоялось 16 июля 1886 г. Александр III подтвердил свое согласие на создание русской колонии на одном из островов Тихого океана. В связи с этим Гирс в представленном царю докладе «По предложению Миклухо-Маклая основать русскую колонию на Тихом океане» писал, что Берег Маклая «вошел уже два года тому назад в пределы Новогвинейской территории, находящейся под покровительством германского императора. Следовательно, разрешение установить там колонию не может зависеть от российской верховной власти» [41, ф. 410, оп. 2, 1882, № 4155, л. 136].

17 июля 1886 г. Гирс попросил Миклухо-Маклая сообщить «более подробные данные, какие будут иметься в виду при основании русской колонии на Тихом океане». 9 августа Николай Николаевич передал Гирсу важный документ — объяснительную записку о будущем экономическом и политическом устройстве русской колонии на Тихом океане. В основе ее лежал «Проект развития Берега Маклая», разработанный путешественником еще в 1881 г. Как в первом, так и во втором варианте своего проекта Миклухо-Маклай хотел создать на одном из островов Тихого океана общество без эксплуатации, на основе общинной собственности на землю, с демократическим управлением. «Колония,— писал Миклухо-Маклай,— составляет общину и управляется старшиною, советом и общим сходом или общим собранием поселенцев» [21, с. 298].

3 сентября 1886 г. в письме к брату Михаилу Миклухо-Маклай сообщил откровенное мнение по поводу своего проекта: «...в отношении Берега Маклая от русского правит[ельства] я ничего не могу ожидать более, как ту мизерную помощь, что оно предоставит германскому прав[ительству] свое желание, чтобы немцы признали бы меня как русского на германской территории. Более этого ничего... Это очень важно потому, что это *единственная тоненькая ниточка*, на которой держится весь мой план будущей русской колонии на остр[овах] Тихого океана, и я надеюсь, что государь император не отречется от [слов] своих, сказанных в Ливадии 23-го апреля. Надеюсь иметь аудиенцию на будущей неделе... Одни работы меня только связывают, не имея я их — давно бы уехал. Как только более определенно буду знать, что и как относительно основания русской колонии,— напишу». В этом же письме Миклухо-Маклай

сообщил, что его работа над книгой идет не так успешно, как он хотел, «вследствие частых перерывов», которые он не мог «устранить, как, например, свидания с [господином] Гирсом, Влангали, Остен-Сакеном в министерстве» [12, ф. 143, оп. 1, № 44, л. 93].

Осенью 1886 г. Миклухо-Маклай был занят разбором и систематизацией своей коллекции для показа ее на выставке. Эта работа выполнялась при низкой температуре воздуха в помещении конференц-зала Академии наук, вредно отражавшейся на здоровье Николая Николаевича. 2 октября 1886 г. Миклухо-Маклай обратился в правление Академии наук с просьбой «сделать распоряжение *отопить зало*», так как низкая температура воздуха делала для него «*невозможным без ущерба для здоровья* разбирать.... этнологические коллекции». Из сохранившейся переписки видно, что эта скромная просьба путешественника была отклонена. Экзекутор Академии наук В. Н. Федоров 3 октября писал в комитет правления Академии наук, что просьбу Миклухо-Маклая нельзя удовлетворить, так как «отопление большого конференц-зала Академии наук производится с 1 ноября через печников по месячной оплате» [12, ф. 4, 1886, оп. 2, № 53, л. 10].

6 октября Миклухо-Маклай пригласил членов Академии наук «почтить своим посещением этнологическую коллекцию, собранную на островах Тихого океана». На извещении об открытии выставки расписалось более 20 академиков. На открытии выставки, состоявшемся 8 октября 1886 г., Семенов приветствовал Миклухо-Маклая по поводу его возвращения из отдаленных стран и результатов его путешествия, представленных в виде «обширной коллекции и обширных манускриптов». В кратком выступлении Николай Николаевич сказал, что цель его путешествия «не заключалась в собрании коллекций... а прежде всего и главным образом — наблюдения по антропологии и этнологии... коллекция же,— сказал он,— имеет назначение... представить аксессуары так называемого каменного периода». Миклухо-Маклай подчеркнул, что он специально выбирал для исследования такие острова, которые находились еще на стадии каменного века. «Собранные мною вещи,— продолжал он,— свидетельствуют о нем. В настоящее же время все эти вещи уже более не производятся, а если приготавлиются, то в виде пародий, так как на них продолжается спрос для поставщиков в музеи». Далее Миклухо-Маклай подчеркнул, что значение его коллекции будет увеличиваться с каждым годом. Он выразил надежду, что Академия наук со временем найдет лучшее помещение для подобных коллекций и не будет хранить в подвалах вещи, собранные русскими мореплавателями Коцебу, Крузенштерном и Литке. «Было бы в высшей степени желательно,— сказал Миклухо-Маклай,— чтобы в Петербурге был порядочный этнологический музей, в состав которого вошли бы предметы, разбросанные по музеям Географического общества, Морскому

и т. п.». Это предложение путешественника впоследствии было осуществлено.

Заключительную часть выступления Миклухо-Маклай посвятил своим манускриптам. Он пророчески сказал, что результаты его путешествий не скоро увидят свет. «Впрочем,— заметил он,— я человек терпеливый и буду ждать, пока окажется возможность напечатать мои труды. Я сам лично не беспокоюсь об участии моих рукописей, *будучи убежден в значении их для науки*. Рано или поздно это будет сделано». Кроме издания научных трудов Миклухо-Маклай в «непродолжительном времени» хотел подготовить к печати свое сочинение, написанное в «общедоступной форме» [29, 09 (21).10.1886].

На следующий день после открытия выставки, 9 октября 1886 г., под председательством Гирса состоялось заседание «Особого комитета, высочайше утвержденного для рассмотрения предложений Н. Н. Миклухо-Маклая», о создании на одном из островов Тихого океана русской колонии. В состав «Особого комитета» вошли представители пяти министерств: иностранных дел, финансов, внутренних дел, военного и морского. Из протокола заседания комитета, опубликованного в извлечениях в другой нашей статье [5], видно, что в 80-х годах XIX в. русское правительство не было заинтересовано в приобретении колонии в южной части Тихого океана, а тем более свободной, какую предлагал создать Миклухо-Маклай.

Ход обсуждения и решение комитета были в значительной степени предопределены полемикой, развернувшейся на страницах петербургских газет. Реализация предложенной Миклухо-Маклая не сулила никаких личных выгод ни членам «Особого комитета», ни тем, чьи интересы они представляли, и, когда из ответов путешественника членам комитета стало ясно, что Миклухо-Маклай не собирается отходить от своих демократических принципов организации колонии, они отвергли его предложение.

Когда Миклухо-Маклай находился в Австралии, Гирс и Шестаков оказывали ему некоторую дипломатическую поддержку в его борьбе против захвата Германией Берега Маклая, но по возвращении на родину он лишился и ее: царское правительство не хотело портить отношений со своим торговым партнером Германией и не желало ссориться из-за Берега Маклая с Вильгельмом I и Бисмарком.

11 октября 1886 г., два дня спустя после заседания «Особого комитета», Миклухо-Маклай из конференц-зала Академии наук обратился с пламенной речью к общественности Петербурга. Этой речи он придавал большее значение, чем своим коллекциям. Он знал, что через печать его слова о «положении политических и общественных дел на островах Тихого океана» станут известны не только в России, но и за ее пределами. Миклухо-Маклай сказал, что «за последние годы европейские державы обратили свое внимание» на острова Тихого океана,

которые стали «полем захватов». Русский путешественник считал эти острова одним из самых «благодатных уголков нашей планеты. Плодородие почвы, красота местности, отличный равномерный климат,— писал он,— легкая доступность и сообщение с остальным миром при помощи судов делают их таковыми». Не оставил Миклухо-Маклай без внимания и «темные стороны» жизни населения этих островов, борьба с которыми часто служила предлогом для вторжения колонизаторов [32, 11 (23). 10.1886].

Еще в 1878 г. Миклухо-Маклай написал председателю Русского географического общества письмо о «необходимости учреждения международной полиции в Тихом океане». Перевод его был опубликован в отчетах Лондонского общества по борьбе с рабством [44]. Необходимость создания международной полиции, как писал путешественник, особенно возросла в связи с распространением «германской колониальной политики, потому что вот уже много лет германский флаг в Тихом океане прикрывает самые бессовестные несправедливости, как кражи и обман в отношении туземцев, невольничество и жестокости на плантациях, систематический грабеж туземных земель и т. п. Ни одного преступления белого против черных,— писал он,— не было до сих пор наказано германским правительством».

Грабеж и убийства коренных жителей островов Тихого океана, осуществлявшиеся кайзеровской Германией, Миклухо-Маклай объяснял тем, что правительство этой страны назначало «консулами рабовладельцев и бессовестнейших эксплуататоров туземцев», а «так как все колониальные приобретения немцев в последние годы,— писал путешественник,— отданы в руки промышленной компании, то будущность всех этих островов относительно идеи справедливости к темнокожим несколько не гарантирована». В заключение Миклухо-Маклай сказал: «Решившись поселиться на островах Тихого океана, я, естественно, пожелал и желаю, чтобы в местности, где я поселюсь, развеялся русский флаг» [32, 11 (23). 10.1886].

20 октября 1886 г. Миклухо-Маклай довел до сведения комитета правления Академии наук, что он «намерен освободить зало» от своих коллекций к 1 декабря 1886 г. Незадолго до наступления этого срока он обратился к президенту Академии наук Д. А. Толстому с письмом, в котором сообщал, что желает подарить Академии наук «большую часть своих коллекций, собранных... во время путешествий по островам Тихого океана от 1870—1885 гг., в надежде, что подарок этот будет принят как слабый знак благодарности русскому правительству за помощь, оказанную ему в разное время» при его путешествиях. Миклухо-Маклай обратил внимание президента на то, что его коллекция была «собрана на островах Тихого океана во время, когда жители этих островов не были вовсе (как на Берегу Маклая в Новой Гвинее, например) или в весьма редких сношениях (острова Адмиралтейства, остров Луб и другие) с европейцами».

и находились еще в так называемом *каменном веке*, который,— писал он,— ныне почти что совершенно исчез».

Характеризуя значение для науки собранной им коллекции, Миклухо-Маклай писал, что «о ценности ее и говорить нечего, т[ак] к[ак] в ближайшем будущем, даже вероятно и в настоящее время, подобную невозможно будет приобрести ни за какие деньги, потому что каменные орудия совершенно выйдут или вышли из употребления и люди, которые умели употреблять их, вымерли или вымрут» [23, с. 308]. В этом же письме путешественник просил президента Академии наук выплатить ему небольшую сумму (276 руб.) за перевозку коллекции из Сиднея в Лондон и из Лондона в Петербург. Эта просьба Миклухо-Маклая показывает, что в 1886 г. он крайне нуждался в деньгах. Географическое общество тогда не выплатило ему деньги, пожертвованные А. М. Раевской². В отчете общества за 1886 г. отмечено, что Миклухо-Маклай «приготовил к печати один том описательной части своих путешествий». Но совет Общества не спешил оказать Николаю Николаевичу материальную помощь, хотя можно было опубликовать первый том описания путешествия Миклухо-Маклая и гонорар за него передать ученому.

Вслед за письмом к Толстому Миклухо-Маклай направил письмо директору Музея антропологии и этнографии Академии наук Л. И. Шренку. «Ввиду того обстоятельства,— писал он,— что я собирал мои коллекции не для каких-либо музеев, а единственно для более обстоятельного рассмотрения, а также как вещественные иллюстрации моих исследований и так как предметы моей коллекции будут мне *совершенно необходимы* при описании моих путешествий, то я должен *иметь всегда свободный к ним доступ, а также возможность брать их иногда из музея для снятия с них фотографий, необходимых для иллюстрирования моего труда по этнологии меланезийцев*» [24, с. 308]. Из ответного письма Шренка от 8 декабря 1886 г. видно, что просьба Миклухо-Маклая была удовлетворена.

В начале декабря 1886 г. Миклухо-Маклай приступил к чтению лекций о своих путешествиях в здании Государственной думы. После прочтения четырех лекций он попросил редактора газеты «Новое время» А. С. Суворина поместить обстоятельную статью о его проекте основания русской колонии на Тихом океане в том номере газеты, где будет помещен отчет о его пятой лекции. 13 декабря 1886 г. в «Новом времени» была опубликована статья Миклухо-Маклая «О будущей русской колонизации в Тихом океане». На лекции Николай Николаевич выразил надежду, что его проект «рано или поздно осуществится. Я же,— сказал он,— никогда не отступлю от дела, за которое взялся. Да послужат эти слова ответом тем приблизительно 1800 лицам, изъявившим готовность и желание последовать за мною в

² После смерти Миклухо-Маклая эти деньги были выплачены его вдове Маргарет Миклухо-Маклай.

будущую русскую колонию в Тихом океане и которым я не имею возможности ответить иначе».

Надежды Миклухо-Маклая не оправдались. Еще 9 декабря 1886 г. Александр III утвердил заключение «Особого комитета» и «повелел отказать» путешественнику в его ходатайстве. Получив письмо Гирса от 18 декабря 1886 г. с сообщением об отказе, Николай Николаевич сразу попросил министра иностранных дел сделать распоряжение о выдаче ему «надлежащего документа» о соизволении Александра III поднять русский флаг на одном из островов Тихого океана, данного ему 23 апреля в Ливадии и подтвержденного 16 июля 1886 г. в Петербурге. «При возвращении моем на острова Тихого океана,—писал Миклухо-Маклай,—я найду возможным достигнуть острова, который я избрал, и устроиться на нем на постоянное жительство, почему, имея на то высочайшее соизволение и *будучи русским*, я не желал бы поднять на этом не занятом пока острове какой-либо другой флаг—как русский, что ни в коем случае не „может повлечь за собой дорогостоящих мероприятий“ со стороны русского правительства» [12, ф. 143, оп. 1, № 21, л. 26]. Наивные с политической точки зрения проекты и предложения Миклухо-Маклая имели благородную цель—оградить жителей Берега Маклая от захвата их территории европейскими державами.

Однако Гирс и его окружение не собирались выполнять обещаний и «соизволений» Александра III. Они видели в Миклухо-Маклае трибуна папуасов и борца против рабства и угнетения не только народов Океании, но и русского народа.

Незадолго до заседания «Особого комитета», в сентябре 1886 г., Миклухо-Маклай получил письмо от Л. Н. Толстого, которое резко отличалось от рассуждений высокопоставленных чиновников о деятельности путешественника. Впервые Л. Н. Толстой упомянул Миклухо-Маклая в своем сочинении «В чем моя вера?», опубликованном в 1884 г. в Москве и сразу запрещенном царской цензурой (оно вышло в свет в Париже в 1885 г.). Толстой писал, что Миклухо-Маклай «поселился среди самых зверских, как говорили, диких и его не только не убили, но полюбили его, покорились ему только потому, что он не боялся их, ничего не требовал от них и делал им добро» [38, с. 463]. В яснополянской библиотеке Толстого сохранилась статья Миклухо-Маклая о его втором пребывании на Берегу Маклая [14]. Возможно, что она была передана Толстому известной общественной деятельницей А. М. Калмыковой. 28 марта 1886 г. Толстой писал Калмыковой: «Труд Вашего путешественника со мной». В апреле 1886 г. Толстой сообщил В. Г. Черткову, что нужно напечатать статью о Миклухо-Маклае [40, с. 331].

Узнав, что Толстой заинтересовался «некоторыми эпизодами» его странствий, Миклухо-Маклай 19 сентября 1886 г. послал великому русскому писателю из Петербурга свое первое письмо, сообщив, что после возвращения в Россию, на пути

из Киева в Москву, хотел навестить его. Необходимость быть как можно раньше в Петербурге заставила Николая Николаевича отложить поездку в Ясную Поляну. 19 сентября 1886 г. Миклухо-Маклай послал Толстому две статьи о пребывании в Новой Гвинее, в ответ на которые писатель послал ему свое знаменитое письмо. Толстой благодарил Миклухо-Маклая за интересные брошюры, которые вызвали у него восхищение его путешествиями. «...Вы первый,— писал Толстой,— несомненно, опытом доказали, что человек везде человек, то есть доброе, общительное существо, в общение с которым можно и должно входить только добром и истиной, а не пушками и водкой. И вы доказали это подвигом истинного мужества, которое так редко встречается в нашем обществе, что люди нашего общества даже его и не понимают» [39, с. 378].

1887 год был особенно тяжелым для Миклухо-Маклая. В начале февраля он выступил на общем собрании Географического общества и сообщил, что он должен по домашним обстоятельствам выехать в Сидней. Касаясь подготовки к печати первого тома описания своих путешествий, который был «почти что готов», он сказал: «Несмотря на то что я старался не терять времени, работа моя подвигается далеко не так быстро, как я ожидал, чем отчасти я обязан сильному нездоровью, которое не раз заставляло меня работать не так, как я желал». Николай Николаевич рассчитывал вернуться из Австралии в Петербург «приблизительно в мае месяце, чтобы посвятить лето и осень на продолжение и окончание» своих работ [15, с. 426]. Подробнее о причинах своего отъезда в Австралию Миклухо-Маклай написал старшему брату Сергею. «Я решил,— писал он,— перевести жену и моих ребят на год или полтора в Европу, почему и еду в Сидней, где без меня мои очень важные зоологические, анатомические коллекции все пропадут» [25, с. 315].

В этом же письме Миклухо-Маклай подвел печальный итог своей многолетней борьбы за осуществление проекта Берега Маклая. «В деле относительно Берега Маклая,— писал Николай Николаевич,— я потерпел почти полное *фиаско*. Подобным же *фиаско* заключился поднятый мною вопрос об основании русской колонии на островах Тихого океана...» Накануне отъезда в Австралию Миклухо-Маклай передал в Этнографический музей Академии наук свои рукописи и рисунки. В архиве Академии наук сохранилась расписка сотрудника этого музея о том, что он 11 марта 1887 г. получил от Миклухо-Маклая для этого музея «3 жестянки с рукописями и рисунками, 1 небольшой кожаный чемодан с тем же, 1 большой портфель с бумагами и рисунками, 1 жестяную трубку с картами». 16 марта, перед самым отъездом в Австралию, путешественник передал в музей свой портрет и карту Малайского архипелага. Книги свои он отдал Петербургскому университету.

17 марта Миклухо-Маклай выехал из Петербурга. На пути в Одессу он остановился в Москве, где вел переговоры со своим

знакомым, бывшим дипломатическим чиновником русской миссии в Мессине Е. И. Барановским, по поводу своего проекта, который он хотел теперь осуществить уже не с помощью правительства, а при содействии частных лиц. 21 марта Николай Николаевич прибыл в Одессу, а неделю спустя был в Александрии, откуда на поезде доехал до Суэца. Из Суэца 30 марта 1887 г. на пароходе «Неккар» Миклухо-Маклай отправился в Австралию. Здоровье его не улучшалось. «Не без труда,— писал он,— и лишь при помощи одного из матросов взобрался я на палубу, так как боль в обоих плечах и руках не позволяла держиваться за перила, да и вообще я едва держался на ногах от ревматизма» [16, с. 599].

В Австралии Миклухо-Маклай пробыл всего девять дней. Он торопился вернуться в Петербург. «Я не придерживался бы такой программы,— писал он,— если бы не считал мое возвращение в Европу для опубликования моих работ непременно долгом перед наукой» [26, с. 322]. На том же самом пароходе «Неккар» Миклухо-Маклай вместе с женой и двумя сыновьями отправился из Австралии в Европу. Морским путем они достигли Италии, откуда через Австрию в начале июля 1887 г. прибыли в Петербург. На этот раз путешественник доставил в Россию свою зоологическую и анатомическую коллекции, включавшие 43 человеческих черепа, более 100 черепов и скелетов животных и 32 различных препарата. Впоследствии эти экспонаты были переданы М. Н. Миклухо-Маклаем в Зоологический музей Академии наук. Опись их сохранилась в Архиве Географического общества [1, ф. 1, 1881, оп. 1, № 25, л. 265—276].

Работу над вторым томом своего путешествия Миклухо-Маклай не смог начать даже в сентябре 1887 г., так как ему нужно было писать статью для газеты «Новое время» [16], в редакции которой он «взял перед 1-м числом 150 руб[лей], чтобы уплатить за квартиру, жалованье прислуге и т. д.» [27, с. 326].

10 сентября в «Петербургском листке» появилось первое сообщение о тяжелой болезни путешественника. Там было написано, что Миклухо-Маклай, «страдавший сильно с октября месяца прошлого года ревматизмом и невралгией, обратился за советом к профессору Кошлякову», который обнаружил у больного путешественника «хронический ревматизм, притом сильно запущенный».

Несмотря на болезнь, Миклухо-Маклай в конце 1887 г. подготовил к печати отрывок из дневника своего путешествия на острова Меланезии в 1879 г. [17]. 1 января 1888 г., посылая эту статью великому князю Николаю Николаевичу, Миклухо-Маклай писал, что он не надеется «так скоро быть в состоянии выбраться из 4-х стен; один день плохо,— писал он,— другой мне лучше, а затем опять скверно, иногда приходится *весь* день не двигаться с дивана... Не жите мне в этом климате!» [35, ф. 93, оп. 3, № 830, л. 1].

В феврале 1888 г. Миклухо-Маклай был помещен в клинику

Вилие. Известный путешественник и врач А. В. Елисеев 5(17) апреля 1888 г. писал, что Миклухо-Маклай пришел в клинику «уже со смертью в груди и без светлой надежды на возвращение. В клинике профессора Боткина,— писал он далее,— успокоился наконец неутомимый труженик и скиталец, которого вся жизнь была одним сплошным путешествием, для которого мир не казался великим, а Австралия была так же близко, как для нас Тверь или Москва» [10, 05 (17).04.1888].

Вице-председатель Русского географического общества П. П. Семенов уже после смерти путешественника писал Александру III, что в 1886—1888 гг. в Петербурге Миклухо-Маклай жил «в крайней бедности». А Совет Географического общества «не считал возможным принять на себя какое-либо ходатайство за Маклая лишь потому, что он еще не справился с исполнением обязанностей, принятых на себя в 1882 г.» [1, ф. 1, 1881, оп. 1, № 25, л. 223], и не представил «полный манускрипт своего путешествия».

12(24) апреля 1888 г. Семенов представил совету Общества подготовленный к печати «покойным Н. Н. Миклухо-Маклаем первый том описания его путешествий». Этот том с дополнениями и биографией Николая Николаевича был издан Д. Н. Анучиным только после Великой Октябрьской социалистической революции (см. [28]).

Известный географ и картограф Н. В. Каульбарс, составивший по поручению совета Общества описание научных материалов Миклухо-Маклая, писал: «Судя по одному только оглавлению статей, нельзя не сознаться, что Николаю Николаевичу самому удалось обработать большую часть собранного им научного материала, что, следовательно, его долголетняя и многотрудная деятельность принесла пользу науке.

Нам остается только глубоко сожалеть,— писал далее Каульбарс,— что преждевременная кончина, последствия неутомимых трудов, при часто тяжелой обстановке, заставшая нашего почтенного сочлена в разгаре его деятельности, не дала ему возможности свести все это в одно единое и неразрывное целое. Имя и деятельность Николая Миклухо-Маклая навсегда послужат доблестным примером бесстрашия и полного самоотвержения русского путешественника в водах Тихого океана» [1, ф. 1, 1869, оп. 1, № 19, л. 231].

Литература

1. Архив Географического общества СССР.
2. В(алуловский) Н. Н. (Н. Н. В.). Н. Н. Миклухо-Маклай.— Русский курьер.
3. Вальская Б. А. Письма Н. Н. Миклухо-Маклая, направленные против захвата Германией Берега Маклая.— Известия Государственного географического общества. Л., 1946, т. 78, вып. 5—6.
4. Вальская Б. А. Борьба Н. Н. Миклухо-Маклая за права папуасов Берега Маклая.— Страны и народы Востока. Вып. 1. М., 1959.

5. Вальская Б. А. Проект Н. Н. Миклухо-Маклая о создании на островах Тихого океана русской вольной колонии.— Австралия и Океания (история и современность). М., 1970.
6. Вальская Б. А. Неопубликованные материалы о подготовке экспедиции Н. Н. Миклухо-Маклая на Новую Гвинею в 1871 г. и о плавании корвета «Скобелев» к этому острову в 1883 г.— Страны и народы Востока. Вып. 13. М., 1972.
7. Вальская Б. А. Плавание Н. Н. Миклухо-Маклая на корвете «Скобелев» в 1883 г.— Страны и народы Востока. Вып. 24. М., 1982.
8. Вопрос, поднятый Н. Н. Миклухо-Маклаем.— Петербургский листок.
9. Е. Ч. У Н. Н. Миклухо-Маклая.— Петербургский листок.
10. Елисеев А. Памяти Н. Н. Миклухо-Маклая.— Новое время.
11. Житель [Дьяков А.]. К папуасам.— Новое время.
12. Ленинградское отделение Архива Академии наук СССР.
13. Миклухо-Маклай Н. Н. Берег Маклая в Новой Гвинее.— Новости и биржевая газета.
14. Миклухо-Маклай Н. Н. Второе пребывание на Берегу Маклая в Новой Гвинее (от июня 1876 по ноябрь 1877).— Известия Русского географического общества. 1880, т. 16, вып. II.
15. Миклухо-Маклай Н. Н. Выступление на общем собрании Русского географического общества в феврале 1887 г.— Собрание сочинений. Т. 4. М.— Л., 1953.
16. Миклухо-Маклай Н. Н. На несколько дней в Австралию (из путевых заметок 1887 г.).— Собрание сочинений. Т. 2, 1950.
17. Миклухо-Маклай Н. Н. Островок Андра (Из дневника 1879 г.).— Северный вестник. 1887, № 12; 1888, № 1.
18. Миклухо-Маклай Н. Н. Отчет члена-сотрудника Н. Н. Миклухо-Маклая о работах его за последние два года.— Собрание сочинений. Т. 3. Ч. 1, 1951.
19. Миклухо-Маклай Н. Н. Письмо М. Н. Миклухо-Маклаю 24 марта 1885 г.— Собрание сочинений. Т. 4.
20. Миклухо-Маклай Н. Н. Письмо в редакцию газеты «Новое время» 25 июня 1886 г.— Собрание сочинений. Т. 4.
21. Миклухо-Маклай Н. Н. Письмо Н. К. Гирсу 9 августа 1886 г.— Собрание сочинений. Т. 4.
22. Миклухо-Маклай Н. Н. Письмо А. С. Суворину, ноябрь 1886 г.— Собрание сочинений. Т. 4.
23. Миклухо-Маклай Н. Н. Письмо президенту Академии наук Д. А. Толстому 27 ноября 1886 г.— Собрание сочинений. Т. 4.
24. Миклухо-Маклай Н. Н. Письмо академику Л. И. Шренку 5 декабря 1886 г.— Собрание сочинений. Т. 4.
25. Миклухо-Маклай Н. Н. Письмо С. Н. Миклухо-Маклаю 4 марта 1887 г.— Собрание сочинений. Т. 4.
26. Миклухо-Маклай Н. Н. Письмо неизвестному лицу 4 мая 1887 г.— Собрание сочинений. Т. 4.
27. Миклухо-Маклай Н. Н. Письмо М. Н. Миклухо-Маклаю 6 сентября 1887 г.— Собрание сочинений. Т. 4.
28. Миклухо-Маклай Н. Н. Путешествия. Т. 1. Путешествия в Новой Гвинее в 1871, 1872, 1874, 1876, 1877, 1880, 1883 гг. М., 1923.
29. Миклухо-Маклай Н. Н. Речь на открытии выставки коллекций в Большом конференц-зале Академии наук.— Петербургский листок.
30. Модестов В. И. В добрый час.— Новости и биржевая газета.
31. [Модестов В. И.] Русская колонизация в Австралии.— Новости и биржевая газета.
32. На выставке коллекций Н. Н. Миклухо-Маклая.— Петербургский листок.
33. Новое время.
34. О трудах г. Миклухи.— Петербургский листок.
35. Рукописный отдел Института русской литературы Академии наук СССР.
36. Русский инвалид. СПб.
37. [Скальковский К. А.] Ученое шарлатанство.— Новое время.
38. Толстой Л. Н. В чем моя вера? — Полное собрание сочинений. Т. 23. М., 1957.

39. Толстой Л. Н. Письмо Н. Н. Миклухо-Маклаю 25 сентября 1886 г.— Полное собрание сочинений. Т. 63. М., 1934.
40. Толстой Л. Н. Письмо В. Г. Черткову 3 апреля 1886 г.— Полное собрание сочинений. Т. 85. М., 1935.
41. Центральный Государственный архив военно-морского флота СССР.
42. Arrangement between Great Britain and Germany Relative to Their Respective Spheres Action in Positions of New Guinea. Presented to Both Houses of Parliament by Command of Her Majesty. L., 1885, June.
43. Greenop F. S. Who Travels Alone. Sydney, 1944.
44. Mikloucho-Maclay N. N. To the President of the Russian Geographical Society. Reports of Anti-Slavery Society of London. L., 1878.
45. Mikloucho-Maclay N. N. The Russian Claim in New Guinea.— Argus of Melbourne.
46. Mikloucho-Maclay N. N. A Russian view of Germans in New Guinea.— Sydney Morning Herald.
47. Mikloucho-Maclay N. N. To the Editor of the «Herald».— Sydney Morning Herald.
48. Sentinella C. L. The Annexation of New Guinea and Death of Maclay. In the Book: Micloucho-Maclay. New Guinea Diaries 1871—1883. Translated from the Russian, with Biographical Comments by C. L. Sentinella. Madang, 1975.
49. Sydney Morning Herald.